

Париж в 1838 и 1839 годах. Соч. Владимира Строева. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Париж в 1838 и 1839 годах. Соч. Владимира Строева. В. Г. Белинский

Нет ничего труднее, как писать интересно о предмете всем известном, старом и избитом; но в то же время нет и ничего легче этого. Причина трудности, кроме неспособности со стороны автора, заключается чаще всего в том, что хотят быть новыми во что бы ни стало, ищут предметов поразительных, важных и, пренебрегая фактами, пускаются в философские воззрения и поэтические описания. Это общий недостаток девяносто девяти из ста путешествий. Почти все они бывают удивительно глубокомысленны, бывают удивительно живописны и – невыносимо скучны. Все хорошо в них, а зеваешь; все ново, а между тем известные и дешевые «guides» [1] в 16-ю и 32-ю долю листа, напечатанные мелким шрифтом, так и толпаются в вашей памяти. Вы хотите познакомиться с характером народа в его домашнем быту, у себя, дома, так сказать, – а вас душат скучными описаниями памятников и зданий, щедро рассыпая архитектурные термины. Если у вас станет терпения прочесть такую книгу, – вы обыкновенно говорите, протяжно зевая: «Стоило ли ездить так далеко, чтоб написать книгу, которую всякий может составить и не выезжая из своего захолустья, не только из пределов родины?»... Чтоб путешествие было интересно, надо только смотреть на вещи просто и, не гоняясь за поразительным, передавать верно, какое впечатление произвели на автора самые обыкновенные и вседневные предметы. Само собою разумеется, что всякая страна имеет свое значение, свою физиономию и свою вседневность. В Англии, кроме парламентов, важны фабрики, купеческие конторы и рабочий класс народа; в Германии всего важнее университеты; но во Франции прежде всего улицы, кафе, театры, бульвары и гулянья. У кого есть глаза, чтоб видеть, уши, чтоб слышать, и рассудок, чтоб понимать видимое и слышимое, – тот сейчас поймет, где на что должно обратить особенное внимание и с которой стороны должно взглянуть на предмет, общий многим странам. Газеты издаются во всей Европе, так же как и театры есть во всей Европе; но везде они или наслаждение, или удобство жизни, а во Франции – необходимость, насущный хлеб, как в старой Испании – бои с быками и аутодафе еретиков. Литература составляет важную сторону жизни каждого европейского народа; но в Германии она тесно связана с наукою, в Англии она – просто литература; в Северо-Американских Штатах – обнародование богословских мнений разных сект; а во Франции литература – сама жизнь, по преимуществу народная, и тем менее общечеловеческая. Опера в Париже – или наслаждение немногих, или тщеславие целого народа; а в Италии это целая жизнь, как во Франции литература и журналистика. Итак, оставьте в стороне и длину, и вышину, и размеры, и формы Notre Dame [2], Лувра, Тюльери, Пале-Рояля, и пр., а лучше, если уж заговорили о них, расскажите нам, каким образом возникли эти здания из исторической жизни народа и какими обстоятельствами, невозможными у всякого другого народа, сопровождалось их построение; как смотрит на них народ, каких событий в его жизни были они театром или свидетелями. Не пересчитывайте число улиц, не знакомьте нас с их названиями: все это и мелко, и ничтожно, и трудно для памяти; а лучше скажите нам, как толпится по ним живое народонаселение города: идет ли оно важно, размеренным шагом, с скучною и апатическою физиономиею или суетится, веселое, беззаботное, полное жизни и интереса. Словом, так покажите нам народ на улице, чтоб мы тотчас же узнали, каков он и у себя в доме, а в доме покажите нам его так, чтоб мы могли догадаться, каков он в театре. Стены ничего не значат: важны только люди...

Для наблюдательного путешественника очень легко схватить характеристические черты страны, потому что характер страны прежде всего овладевает им самим, как прилипчивая болезнь. В Париже вам не посидится дома, хоть бы вы были мизантроп или подагрик: – вам захочется бегать с утра до ночи по кафе, улицам, бульварам, театрам. Там всего легче излечиться от русской хандры, или апатии, и английского сплина. Там поневоле вы сделаетесь говорливы, почувствуете охоту до вестей и новостей. Там вы будете даже любезным, хотя бы вы были семинарист, квакер или степной житель. В Италии (вообще) вы сделаетесь обожателем прекрасной природы, хотя бы отроду не видели в природе ничего другого, кроме полей, которые производят хлеб, и навозу, которым удобряются поля; сделаетесь меломаном, хотя бы уши ваши неспособны были отличить романса Глинки от песни Шуберта или уличной шарманки от скрипки Оле-Буля. В Риме же вы непременно сделаетесь антикварием и особенно комментатором [1]. Вся сущность науки там в комментариях. Понять Данта как поэта – будет для вас посторонним делом: вся ваша забота, вся деятельность и трудолюбие устремятся на то, чтоб на каждый стих Данта быть в состоянии прочесть наизусть тысячу комментариев. А Данта читать – известное дело – все равно, что

Париж в 1838 и 1839 годах. Соч. Владимира Строева. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
купаться в Адриатическом море...{2} Избави вас бог поддаваться этой страсти к комментарию, этому прилипчивому миазму: иначе вы воротитесь домой с огромным запасом пустых комментариев, но без живой души и здравого смысла, сделаетесь страшным педантом{3}, заклятым врагом животворной идеи, иступленным обожателем мертвой буквы, жадным лакомкой до пергаментной гнили и фолиантной пыли... О, берегитесь, берегитесь! Иначе что за смешную роль будете вы играть, как лукаво будут улыбаться, слушая, как вы в высокопарных фразах, прерываемых точками{4}, как будто от одышки, будете производить в гении и Вальтер Скотты какого-нибудь посредственного итальянского романиста или кстати и некстати обращаться к классической почве и голубому небу Италии. Часто путешественники вредят себе и своим книгам дурною замашкою видеть в той или другой стране не то, что в ней есть, но то, что они заранее, еще у себя дома, решились в ней видеть, вследствие односторонних убеждений, закоренелых предрассудков или каких-нибудь внешних целей и корыстных расчетов. Нет ничего хуже кривых и косых взглядов; нет ничего неспоснее искаженных фактов. А факты можно искажать и не выдумывая лжи. Иностранец, приехавший в Петербург в праздничный день, может встретить на улицах много пьяных мужиков, – и если он будет выходить из своей квартиры только по праздникам, и притом вечером, то без всякой лжи будет вправе написать, что на петербургских улицах ему попадалось много пьяного народу из черни; но будет ли он прав, если напишет, что, когда ни выйди в Петербурге на улицу, всегда встретишь множество пьяных «джентльменов»? Во всех больших городах есть большие пороки, и кто хочет искать в них только одной этой стороны, тот всегда найдет ее. Поэтому нет ничего легче, как оклеветать или превознести страну: не нужно выдумывать фактов, стоит только обратить внимание преимущественно на те факты, которые подтверждают заранее составленное мнение, закрывая глаза на те, которые противоречат этому мнению. Таким образом, никого не обманывая вымышленною ложью, можно уверять, что французы – народ суровый, тяжелый, расчетливый, корыстный; а англичане – народ живой, легкий, увлекающийся, симпатичный и даже – чего доброго – гуманный!..{5} При этом случае, очень удобно можно доказать, что везде и все худо, что Европа гниет, что железные дороги ведут в ад, и тому подобные странности... Но эти странности, – чтоб не назвать их иначе, – бывают еще смешнее, когда путешественник худо играет принятую на себя по расчетам роль; когда в нем невольно проглядывает подобострастное удивление к предметам, в отношении к которым он силится выказать притворное равнодушие. Так иной, говоря с презрением о Беранже, Жорже Занде, Викторе Гюго, – вдруг падает на колени перед каким-нибудь Ламартином, каким-нибудь Альфредом де Виньи, каким-нибудь господином де Бальзаком{6}. Такие путешественники в обоих случаях обнаруживают дикость нравов, несмягченных цивилизацией и образованием.

Путешествия пишутся иногда в форме ежедневных записок, – и тогда центром описаний делается личность самого путешественника. Эта форма чрезвычайно интересна и увлекательна. Разумеется, для этого прежде всего нужно, чтоб личность путешественника не только не оскорбляла своим цинизмом, но еще и заинтересовывала бы читателя благоуханным впечатлением своей непосредственности. Но каково же будет это «благоуханное впечатление», если путешественник рассказывает вам, как и что покупал он на площади?.. Такая простонародная, площадная и циническая сцена не может быть приятна даже и тогда, когда дело идет о дырявом плаще; но каково же, когда вопрос заключается в сапогах или в чем-нибудь еще более домашнем?.. Что за удовольствие для читателя узнать, что наш путешественник так чужд чувства изящного, что приходит в исступление при виде прекрасных, но бесполезных вещей, которыми любит окружать себя образованное чувство даже и в житейских мелочах и на которые даже бедный, но эстетически настроенный человек нашего времени охотно уделяет часть своих средств, как на необходимости?.. Наш век не любит чопорной изысканности в формах, но он еще далее от цинической неопрятности в наружности. Есть люди, которые и в халате умеют быть пристойными; но есть люди, которые и во фраке оскорбляют чувство приличия. Автор может показаться своим читателям и в халате; но подобные фамильярности с его стороны не должны впадать в цинизм. Записки путешественника не только могут, должны быть просты; но всему есть границы, полагаемые чувством и смыслом, и отрывистые отметки, подобные следующим: «Ели, легли спать; – вчера пошли было в дешевый кабак обедать – на дороге застиг проливной дождь, – писали с женой письма»{7} – напомнили бы собою записки прославленного Гоголем титулярного советника Попрыщина...{8}

Иногда путешествия пишутся в некотором систематическом порядке. Автор сперва описывает здания, потом промышленность, нравы народа и так далее, посвящая каждую главу на особый предмет, о котором он уже не имеет нужды говорить в других главах своей книги. Эта форма имеет свою выгоду и свою хорошую сторону,

Париж в 1838 и 1839 годах. Соч. Владимира Строева. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru представляя читателю ряд отдельных и целых картин. Если она теряет в калейдоскопической живости описания, зато делает безопаснее личность автора от неприятного впечатления на читателя. Г-н Строев очень хорошо поступил, избрав эту форму, хотя к описанию Парижа отрывочные записки и всего лучше идут. Г-н Строев более или менее, но почти везде избег исчисленных нами недостатков, которые в особенности вредят книгам путешествий. Правда, найдется в его книге несколько ничего не значащих выражений вроде «Северной Пальмиры», под которою, не знаем почему, ему угодно разуметь наш Петербург. Конечно, Петербург город великолепный и необыкновенно красивый, но это совсем не причина называть его ни Пальмирою, ни Вавилоном, ни другим древним чуть-чуть не допотопным городом, о котором мы не можем себе сделать никакого представления. Вообще, обыкновение называть новое старыми именами – Наполеона Цезарем, Барклай Фабием, Кутузова северным Сципионом (для отличия от южного) прилично только для новых изданий истории г. Кайданова{9} и разве еще литературщикам, подвизающимся в задних рядах фельетонной литературы. Можно еще упрекнуть г. Строева за рассуждения, хоть их у него – слава богу – и немного. Так, например, он мог бы, без всякого ущерба, но с явною выгодною для своей книги, уволить нас от своих взглядов на современную французскую литературу, ограничиваясь фактами и не мудрствуя... Мы охотно верим, что г. Строеву, как бывшему фельетонисту и автору давно забытых (по счастью для него) «Сцен петербургской жизни»{10}, Бальзак кажется великим романистом. Г-н Бальзак действительно колосс перед всеми нашими бальзачниками, которые с таким подробным анализом расплываются в описании будуара, наряда, движений и сердец своих графинь, княгинь и княжен. Одно уже то, что Бальзак всегда шел своею дорогою и не только никому не подражал, но родил тысячи плохих подражателей, доказывает, что Бальзак человек с замечательным талантом. Он большой мастер рассказывать, и если б не расплывался в водяном и растянутом многословии, которое он выдает за тонкий анализ платья, комнат, душ, сердец, страстей и чувств – плод будто бы глубокой наблюдательности; если б он не выдумывал графинь и маркиз, какие существуют только в его воображении, прикованном к прихожим салонов, а описывал более доступную и более знакомую ему действительность, – он был бы одним из замечательных писателей второго или третьего разряда, не был бы теперь забыт и осмеян в Париже, не выписался бы так скоро и не издавал бы плохих статей под фирмою плохого «Revue parisienne»[3]{11}. Также мы охотно верим, что г. Строеву не может слишком нравиться г-жа Дюдеван: у всякого свой вкус. И потому мы не будем спорить с г. Строевым, а скажем просто, что его книга о Париже чрезвычайно любопытна по содержанию, богата фактами, хорошо написана, живо изложена, – и вообще так интересна, что трудно от нее оторваться.

Сноски

- 1 «путеводители» (франц.). – Ред.
- 2 Собора (парижской) богоматери (франц.). – Ред.
- 3 «Парижского обозрения» (франц.). – Ред.

Комментарии

- 1 Здесь (и далее до конца абзаца) ирония Белинского направлена против С. П. Шевырева, который бывал в Италии (см. примеч. 19 к статье «Педант» – наст. т., с. 598) и восхищался этой страной и ее культурой. На протяжении многих лет Шевырев сохранял благоговейное отношение к Данте, творчеству которого была посвящена его диссертация («Дант и его век». – «Ученые записки императорского Московского университета», 1833, ч. II, № 5, 6; ч., 111, № 7, 8, 9; ч. IV, № 10, 11). Соответственно, задача создания исчерпывающего комментария к произведениям Данте осознавалась им как одна из важнейших. «У нас в университете, – записывал Шевырев в дневнике, – со временем должны быть три особенные кафедры для толкования в оригинале Гомера, Данте и Шекспира» (цит. по примечаниям М. Аронсона в кн.: С. П. Шевырев. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1939, с. 227).
- 2 перифраза начальной строки из стихотворения Шевырева «Чтении Данта» (1830).
- 3 Эта характеристика Шевырева развернута в статье «Педант» (см. наст. т., с. 382–389), вышедшей одновременно с данной рецензией.
- 4 См. примеч. 28 к статье «Педант».

Париж в 1838 и 1839 годах. Соч. Владимира Строева. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
5 Пародийный пересказ рассуждений и статьи Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» («Москвитянин», 1841, № 1).

6 Пренебрежительное отношение к современной ему французской литературе Шевырев высказал в статье «Взгляд русского на современное образование Европы». Среди французских писателей Шевырев выделял лишь Бальзака (см. его мемуары «Парижские эскизы. Визит Бальзаку». – «Москвитянин, 1841, № 2).

7 Критик пародирует рубленные фразы и лапидарный слог путевых записок М. П. Погодина, публиковавшихся в «Москвитянин» («Месяц в Париже» – 1841, № 1-2; «Еще две недели в Париже» – 1841, № 3; «Венеция» – 1841, № 5).

8 Поприщин – герой «Записок сумасшедшего» (1835) Гоголя.

9 Имеется в виду «Учебная книга всеобщей истории» И. К. Кайданова.

10 Рецензию на «Сцены петербургской жизни» (1835) В. М. Строева см.: Белинский, АН СССР, т. I, с. 330; о Строеве-критике см. в статье «Ничто о ничем...» – наст. изд., т. 1, с. 248, а также примеч. 53 к указанной статье.

11 Журнал «Парижское обозрение» издавался Бальзаком в 1840 г., вышло всего три номера (июль, август, сентябрь).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!